

К 90-ЛЕТИЮ ЛЕОНИДА БОРИСОВИЧА АЛАЕВА: О МАРКСИЗМЕ, ОБЩИНЕ И ИНДОЛОГИИ ЧАСТЬ II¹

TO THE 90TH ANNIVERSARY OF LEONID B. ALAEV: ON MARXISM, COMMUNITY AND INDOLOGY PART II

© 2022 **Динара Викторовна Дубровская**

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Государственного академического университета гуманитарных исследований (ГАУГН), Москва, Россия; distan@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9372-6553

Dinara V. Dubrovskaya

PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Assistant Professor, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow; distan@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-9372-6553

© 2022 **Александр Александрович Столяров**

кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия
astol007@gattamelata.com; ORCID ID: 0000-0001-9790-0256

Alexander A. Stolyarov

PhD (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia; astol007@gattamelata.com
ORCID ID: 0000-0001-9790-0256

1 Продолжение материала, опубликованного в предыдущем номере «ВК». См.: [Дубровская, Столяров, 2022].

Вторая часть интервью² с известным гумани- тарием, историком-востоковедом, индологом и теоретиком профессором Леонидом Борисовичем Алаевым приурочено к его юбилею. Бе- седа касается основных проблем исследования Л. Б. Алаева — вопросов истории и теории сельской общины. Интервьюеры интересуются историей семьи Л. Б. Алаева, его жизненным путем до поступления в МГУ, профессиональной подготовкой в Московском университете и оценкой становления и развития индологии как востоковедной специальности.

Ключевые слова: индология, история востоковедения, МГУ, Институт востоковедения РАН, история науки, устная история, интервью, Л. Б. Алаев

Для цитирования: Дубровская Д. В., Столяров А. А. К 90-летию Леонида Борисовича Алаева: о марксизме, общине и индологии. Часть II. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 4. С. 20–38. DOI: 10.18254/S268684310023800-8

This second part of the interview with a well-known humanitarian, historian, orientalist, Indologist and theorist professor Leonid Borisovich Alaev is timed to coincide with his anniversary. The conversation touches on the main problems of Leonid B. Alaev's research — questions of the history and theory of the community. Interviewers are interested in the history of Leonid B. Alaev's family, his life path before entering Moscow State University and his assessment of the formation and development of Indology as a specialty of larger Oriental studies.

Keywords: Indology, History of Oriental studies, Moscow State University, Institute of Oriental Studies (RAS), history of science, Oral history, interview, Leonid B. Alaev

For citation: Dubrovskaya Dinara V., Stolyarov Alexander A. To the 90th Anniversary of Leonid B. Alaev: On Marxism, Community and Indology. Part II. *Oriental Courier*. 2022. No. 4. Pp. 20–38. DOI: 10.18254/S268684310023800-8

Портрет Леонида Борисовича Алаева

© Наталья Владимировна Винокурова, 2022

— **АС:** ЛБ, ваши взгляды на феодализм вообще и на проблему феодализма на Востоке тоже очень интересны. А как они формировались?

— **ЛА:** Что ж. Следующую часть нашего разговора можно озаглавить «**К вопросу о феодализме**».

Уйду немного в сторону от самых близких мне проблем сельской общины. Дискуссия об *азиатском способе производства* вполне логично вышла на споры о характере традиционного восточного общества. Так как мы (почти все) работали в рамках формационной теории, **необходимо было «встроить» изучаемые нами**

2 Редакция искренне благодарит магистрантов программы «Социально-культурное развитие стран Восточной Азии» Восточного факультета ГАУН Вадима Владимировича Бачинского, Ульяну Вячеславовну Зыкову и Наталию Сергеевну Кирееву за расшифровку интервью.

страны в «пятичленку». Наши древники усиленно доказывали, что в странах Востока существовал рабовладельческий строй; специалистам по так называемым *Средним векам* ничего не оставалось делать, как доказывать, что до Нового времени в странах Азии существовал *восточный феодализм*.

На одном из этапов разработки собственного представления о феодализме я решил тщательно изучить взгляды Маркса на данную проблему. К тому времени я уже не считал, что в трудах классиков содержится вся мудрость мира, и был готов, выяснив взгляды Маркса, в том или ином виде вступить с ним в полемику. Но раз мы ведем разговор о формациях, мы должны, по крайней мере, *изучить* как эта концепция обосновывается. Если она нас не устраивает, мы намереваемся ее критиковать и, в конечном счете, отвергнуть, то тем более надо знать, что, собственно, мы отвергаем.

— ДД: А что говорили на эту тему классики марксизма?

— ЛА: Начав выяснять, что такое *феодализм по Марксу*, я не представлял себе результата этой работы. Вариант, что сконструированная им модель феодализма окажется совершенно неприменима к Востоку, казался весьма вероятным, тем более что было уже понятно: сам Маркс никакого иного феодализма, кроме западноевропейского, не знал и не представлял себе.

Велико было удивление, когда я понял, что Маркс был гораздо менее «марксист», чем его последователи (о чем он говорил сам). Из паясына цитат возник образ общества, в котором было очень мало чисто западноевропейского и довольно много того, что мне представлялось чисто индийским (или «восточным»). Текст, который при этом вышел из-под моего пера, практически целиком построен на цитатах из Маркса. Этим он напоминает многие другие марксоведческие работы того времени, в которых выяснение взглядов основоположника служит единственной задачей, а согласование этих взглядов с конкретной историей считается задачей несущественной. Такой метод работы тогда

уже изживал себя. Может быть, поэтому статья не встретила одобрения ни у медиевистов, которые сочли ее схоластической, ни у восточников, увидевших в ней тенденциозность. Обильное цитирование должно было показать, что это **не я**, это все **он** говорит. Я сознательно шел на то, чтобы оправдать ходившую в ту пору поговорку: *«Собственная мысль автора — это кратчайшее расстояние между двумя цитатами»*. Там, где я пытался дополнить Маркса, *вчитывая* в «Капитал» идею дарообмена, я честно предупреждал об этом: а вот это я собственной персоной. Но метод манипулирования Марксом в своих интересах был уже настолько общепринят и общеупотребителен, что убедить в том, что я только компилятор цитат и посредник между классиком и читателями, не удалось. При обсуждениях критиковали не Маркса, а *«концепцию Алаева, основанную на некоторых цитатах из Маркса»*.

У меня получилось, что Марксовый феодализм имеет довольно мало специфически европейских черт. Маркс не относит к феодально-системным элементам: частно-сеньориальную эксплуатацию, иерархическую структуру землевладения, господство военного сословия, цеховую организацию ремесла и город-коммуны.

На первый план в его формулировках существенных черт феодализма выступают явления, для средневекового Востока более характерные, чем для средневековой Европы, а именно: **натуральность** производства и всех других социальных отношений, преобладание **конкретного труда**, **потребление**, поддержание существования как **цель** производства, становление **«всеобщей связанности»** через систему взаимных дарений и служб, **«общинность»** в смысле непрерывной ткани общества: наличие практически бесконечного количества **статусов**, мало отличающихся друг от друга, но в совокупности образующих лестницу от бесправных низов до всемогущих верхов, **«общность»** также в смысле нерасчлененности управленческих, военных и эксплуататорских функций, господство отношений земельной собственности, т. е. рентных отношений, характеризующихся господством-подчинением, па-

триархальностью, «личностным» оформлением, стабильностью, «взаимностью» прав.

Общество, охарактеризованное вышеприведенными тезисами, служило моделью феодализма в размышлениях Маркса о формациях. В этих характеристиках отражено то в средневековой Европе, что принципиально противостояло появившемуся там капитализму, и довольно тщательно убрано все, что капитализму не противостояло, а было им в дальнейшем в той или иной степени использовано. Описанный строй, возможно, никогда и нигде не существовал в таком абсолютном виде: все указанные выше черты, как поймет любой историк, взяты из жизни. Используя описанную выше модель как эталон, можно рассмотреть формационную зрелость и «классичность» обществ Азии и Европы. Предвосхищая это исследование, можно предвидеть ряд его результатов.

Многие общества Востока окажутся ближе к модели феодализма, чем историографически породившие эту модель страны Запада. Большинство феодальных стран Европы будут отличаться от модели в сторону большего приближения к капитализму (роль частной собственности и частного права, развитие товарного производства). Отдельные страны Азии не будут удовлетворять модели в других отношениях, например наличием бюрократического принципа в государственном строе (Китай). Это формационно не решающая, но важная характеристика. Бюрократизм теоретически безличен, враждебен личностным отношениям. Впрочем, коррупция обычно успешно преодолевает этот его «недостаток». Отношения взаимных услуг, клановость, nepотизм были неотделимы от так называемой бюрократической системы восточноазиатских стран. Другие общества Востока покажут более значительный, чем это предусмотрено феодальной моделью, разрыв в социальной ткани между верхом и низом, формирование «общности» лишь из части общества.

— АС: ЛБ, а в чем особенности именно индийской общины?

— ЛБ: И правда, тут мы сталкиваемся с настоящей «головоломкой индийской сельской

общины», которая оказалась специфическим институтом, но не потому, что объединяла земледелие и ремесло, а потому, что состояла из каст. Коллективное содержание нескольких ремесленников и специалистов сферы обслуживания (одинакового состава по всей стране), осознававшегося как «12 выплат» (иногда как «восемь», или «18»), диктовалось не стремлением коллектива общинников к замкнутости, автаркии, а необходимостью перекладывать ритуальное загрязнение, связанное с той или иной профессией, с высоких каст на низкие. Система обмена услугами, получившая в социологической литературе обобщающее название *джаджмани*, была основана не на экономическом разделении труда, а на индуистской концепции чистоты / нечистоты (*шучи / ашучи*).

Состав этих «12» или «18», «штата деревенских ремесленников», как их иногда называют, поразительно стандартен по векам и областям субконтинента. Это кузнец, плотник, гончар, цирюльник, прачка (мужчина из касты прачек), кожевники (они же сельхозработники из неприкасаемых каст), уборщики, брахман-жрец и брахман-астролог, ювелир. А вот ремесленников иных специальностей, как правило, в составе «деревенского штата» нет.

Почему «деревенский штат» формируется столь выборочно, нередко вызывает недоуменные вопросы. Понятно, что среди них оказываются люди, крайне необходимые в хозяйстве и быту. Но неужели так уж необходимо деревенским жителям регулярно бриться? Почему женщины из земледельческих каст не стирают сами семейное белье, как это они делают в большинстве восточных и невосточных стран? Неужели золотых дел мастер, живущий чуть ли не в каждом населенном пункте, имеет достаточное количество заказов от сельских модниц? Почему нет ткача, и за каждой тряпкой надо тащиться на один из ближайших базаров? Растительное масло — один из неперенных ингредиентов индийской пищи, но касты маслособойщиков образуют корпорации, не привязанные к конкретной территориальной общине!

Существуют бродячие корпорации выращивателей бетелевого листа и торговцев им. Обычные жители деревень этим не занимаются, хотя листья бетеля играют в культуре индийцев роль, сопоставимую с ролью спиртных напитков и табака в Европе и у нас, грешных. А торговые корпорации соответствующих каст процветают.

Все указывает на то, что индийские сельчане имели собственные представления о том, что такое элементарные бытовые и экономические потребности. Загадки системы *джаджмани* разгадываются, если мы поймем, что для индуса существует особая шкала ценностей: градации чистоты / нечистоты. Нужно в течение жизни «не набрать» нечистоты из-за общения с низкокастовыми личностями и с *загрязняющими* предметами (плуг, стриженные волосы и проч.) «Нечистые» занятия перекладываются на плечи низких каст. Поэтому таких нечистых нужно иметь «под рукой». А золото и другие драгоценности, напротив, имеют свойство очищать все вокруг себя. Соответственно, ювелира нужно держать поближе к себе.

Роль ритуальной чистоты / нечистоты в формировании системы *джаджмани*, практически единообразной по всей стране, отмечалась исследователями еще в начале XX в., но стала одним из важнейших предметов дискуссий в индийской социологии только после работ французского антрополога Луи Дюмона (см. [Дюмон, 2001]). Индийские социологи в массе не согласились с Дюмоном и остались на позициях экономической трактовки системы натурального обмена в деревне, но никакого решения все той же загадки не предложено.

Для интереса упомяну, что Индия в настоящее время — крупнейший в мире импортер золота.

— ДД: ЛБ, действительно, как же правильно вписать в эту систему такую уникально индийскую «вещь», как кастовая система индийского общества?

— ЛА: Никакие понимания индийской цивилизации невозможны без учета такого фактора, как кастовая система. Индус связан по горизон-

тали с членами его касты, живущими на расстоянии иногда сотен километров друг от друга. Эти связи необходимы хотя бы просто для того, чтобы находить невест и женихов для своих детей. Ведь каста эндогамна. А по вертикали — общинными связями между членами разных каст — от высоких до неприкасаемых.

При этом не следует понимать индийскую общину как замкнутый мирок, своего рода государство в государстве. Как коллектив землевладельцев она имела одно членство и одну территорию, а как ареал ритуального и экономического взаимодействия — другой (другие). Каждый землевладелец имел «своего» кузнеца или «своего» брадобрея; каждый кузнец или брадобрей имел «своего» *джаджмана* (можно перевести и как «клиент», и как «зависимый»). Ареалы взаимодействия «наплывали» друг на друга, образовывалась сплошная общинная связь.

Я считаю всю полемику по поводу *«азиатского способа производства»* никчемной, поскольку эта концепция не содержит ничего, кроме этого словосочетания, украденного у Маркса, который употребил его во всем многолетнем его сочинении всего **один раз**, притом что его взгляды на азиатское общество, как я сказал, в настоящее время неприемлемы.

— АС: А чем отличается община в Индии от общины вне Индии?

— ЛА: Действительно, понимание индийской общины заставляло задуматься о том, когда и как существовали общины в других странах. Познакомившись с литературой, я убедился, что идея первобытной сельской общины навязана нам, историкам, антропологами, любителями концепций и схем, и во многих случаях не имеет подтверждения фактическим материалом, а является плодом вольной интерпретации крайне ограниченного количества свидетельств. При этом исследователи уверены, что закономерности становления этого института им известны. Если историк марксистского пошиба видит в изучаемом им обществе сельскую общину, он пишет: «община *еще* сохранилась». Если он ее не видит, он пишет: «община *уже*

**А. В. Райков, Л. Б. Алаев и
Ю. Н. Тихонов. Липецк, 2001 г.**
Фото © из личного архива
Л. Б. Алаева
**Alexey V. Raikov, Leonid B. Alaev,
and Yuri N. Tikhonov. Lipetsk, 2001**
Photo © from the personal archive of
Leonid B. Alaev

разложилась», при этом не имея никаких данных о предшествующем этапе истории данного общества.

Поняв слабость теории возникновения человеческого общества, я замахнулся на целый пласт социоантропологической науки в нашей стране, да и (что мелочиться?) во всем мире. Некоторые мои друзья, занимающиеся первобытностью, обиделись: как же так, мы всю жизнь изучали общину (или ее «пережитки»), а ты вдруг утверждаешь, что мы занимались, по существу, искажением истории!

Но замахнуться не значит ударить. Для этого нужен могучий интеллект и обширные знания. А у меня всего этого нет. Отбросив скромность, думаю, что обладаю критическим складом ума, замечаю ошибки и слабости аргументации коллег, но созидать концепции несилен. То, что я потратил на окончательное формулирование моих постулатов всю жизнь, а именно 60 лет исследований, объясняется не только моей малой продуктивностью (и в смысле сбора материала, и в смысле его теоретического осмысления), но и

тем, что на протяжении тех же 60 лет я искал и не находил серьезных опровержений своим взглядам; напротив, убеждался в их бесспорности.

«Сверхзадачей» (по Станиславскому) советского изучения индийской общины было обнаружение потенциалов прогрессивного развития доколониального индийского общества в сторону капитализма. Индийскую общину никак невозможно было счесть первобытным институтом, но нельзя было и отбросить Марксовы филиппики в ее адрес. Остановились на том, что эта община, конечно, соответствовала представлениям Маркса, но находилась «в стадии далеко зашедшего разложения». Я тоже первое время работал в этой парадигме, но все более убеждался, что дело не в разложении, а в особенностях всего социального строя.

Надо было понять, что индийская община образует единую социальную систему с кастовой структурой общества.

Необходимо было выпутаться из концепции «трех великих этапов разделения труда», понять, что система джаджмани не имеет отношения

к процессу товаризации народного хозяйства. Выяснилось, что это институт древний, но **не** более ранний, чем система каст (*джати*); это **не неполное отделение ремесла от земледелия**, а, напротив, результат профессионализация различных специальностей и сфер деятельности; это вообще **не** экономический институт, хотя экономические отношения играют в нем определенную роль; это институт, вызванный к жизни и продолжавший формироваться (в частности — распространяться на Юг) в течение всех Средних веков. Он обеспечивал одну из фундаментальных потребностей индуса: сохранение определенной степени ритуальной чистоты.

Кроме того, от картины «маленькой республики» придется отказаться еще и по причине, что территория общины всегда была *размытой*. Разнообразные общинные связи накладывались друг на друга. Община землевладельцев не совпадала по членству и территории с общиной клиентов кузнеца, а также плотника, цирюльника и т. п. У каждой семьи *джаджмана* («обслуживаемого») был свой *камин* («обслуживающий»). Община землевладельцев («доминирующая каста») не совпадала с общиной земледельцев. Которая из них **та самая, индийская**, породившая обширную литературу и кучу домыслов?

Попутно я выяснил для себя и вопрос о возникновении каст. Индусская традиция утверждает, что касты (*джати*) появились в результате раздробления четырех первичных *варн*. Я уверен, что такой процесс невозможен чисто физически. Учение о четырех варнах возникло как способ упорядочения уже существовавшего кастового строя и было включено в «Ригведу» *задним числом*. Учение о четырех варнах до сих пор служит индусу для ориентации в обществе из тысяч социальных групп. Но научной теорией это учение служить не может. Впрочем, вопрос о кастах настолько запутан, что оставим его для дальнейших исследований. Он выходит за рамки моей узкой специализации.

— **ДД:** ЛБ, а как освещалась сельская община в отечественной исторической науке?

— **ЛА:** Давайте и правда вернемся к более общим вопросам понимания общины. Элементарные правила научного поиска диктовали необходимость сравнения «индийской общины» с подобными институтами в других странах, тем более что существовало (и до сих пор существует) представление, что община была везде в основе своей одинакова, была унаследована от первобытного строя, и затем, в классовом обществе, постепенно разлагалась.

Начав читать книжки про германскую общину, я выяснил, что «*общинная теория*», выдвинутая в свое время рядом германских историков во главе с Г. Л. Маурером, подверглась основательной критике и сейчас, по существу, отвергнута. Так, работа А. И. Неусыхина, считавшаяся классической в изучении германской общины и института общины вообще, содержит противоречия, которые не позволяют утверждать, что он **доказал** наличие у древних германцев первобытной общины и ее постепенное разложение в Средние века.

Должен покаяться в непроницательности. Это в сторону от основной темы данного монолога, но все равно не могу не покаяться. Всю жизнь я критиковал уважаемого человека за встречающиеся в его книге противоречия. И только буквально год назад до меня дошло, что старик поступал так нарочно! Он **провозглашал** одну концепцию (Маурера-Энгельса-Маркса), а **доказывал** другую (развитие общинной собственности на землю **из** частной). Если бы он написал то, что **видел** на базе своих материалов (вернее, — ввиду отсутствия сведений об общине в древнейших данных о германцах), никто просто не пропустил бы его книгу. А если вспомнить, что книга писалась и издавалась в годы, когда разворачивалась «*борьба с космополитизмом*», а Александр Иосифович был одной из мишеней этой кампании, то ситуация приобретает другую окраску. Неусыхин **обманул** марксистское начальство, но, к сожалению, он обманул заодно и коллег — советских и постсоветских медиэвистов, — и в отечественной науке прочно утвердилось мнение, что Неусыхин **доказал процесс**

разложения общины и, таким способом, — формирования феодализма. До сих пор в работах на самые разные темы встречаются выражения типа «например, в древнегерманской марке» или «это напоминает устройство германской марки», в то время как соответствующий автор знает о марке только то, что написано у Энгельса 150 лет тому назад.

Сельская община в Германии — там, где она возникла, — была именно **феодальным** институтом. Впрочем, залезать в фактологию сейчас не будем. Упомяну только наиболее вопиющее: германская община **не называлась маркой!** Это еще одна выдумка Маурера.

И, наконец, я узнал, что та сельская община, которой размахивали как знаменем славянофилов и позже народники и эсеры, с Древней Русью никак не связана и начала возникать в XVI в., а распространилась по основным территориям Московского государства и Российской империи только в XVIII и XIX веках. Появилась она как совокупность крестьян, зависевших от одного помещика, как фискальный и оброчный (или барщинный) институт. А на государственных и дворцовых землях — по прямым указам администрации.

В отечественной литературе фигурирует еще одна общность, считающаяся примером первобытной общины — *деса* — на рисовых землях на Яве. Она не забыта, потому что упомянута Энгельсом, но он подает ее как первобытный примитивный институт, судьба которого — разложиться и превратиться в **рабовладельческое общество (sic!)**. А то, что *деса* возникла недавно, при колониальном режиме, по причине возникновения хорошего мирового рынка риса, совершенно не учитывается. Удивительный пример однолинейного мышления классиков.

Ссылок не привожу, поскольку вы все это знаете. Вообще, мне не хочется вам что-то доказывать. У вас свое понимание. Повторю: мне только хочется разъяснить, в чем заключаются мои сомнения и выводы. Захотите фактов — смотрите мои книги последних лет и статью в «Востоке» [Алаев, 2020(b)].

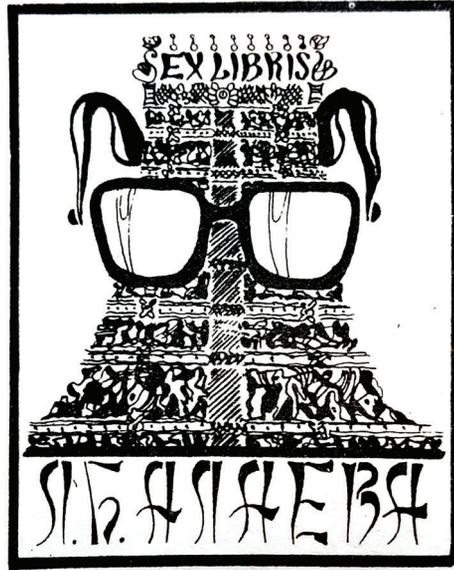
Утвердившееся мнение, что община — это что-то первобытное, а в классовом обществе и вовсе **пережиток**, наносит серьезный ущерб историческим исследованиям в целом. Например, многие считают допустимым использовать материал одного периода для освещения другого. Не видят в этом никакого греха, потому что не допускают мысли о собственной эволюции этого института под влиянием вновь возникших обстоятельств. Или, например, записывают в *пережитки* общины **круговую поруку**, вводившуюся разными властями для обеспечения поступления ренты. Или отрицают существование общины, потому что ее организует государство или магнат.

Все мы знаем попытки Китайского государства создать общины на базе наделной системы или прямым администрированием. Некоторые китаисты (О. Е. Непомнин) на этом основании отрицают наличие общины, которая в Китае «давно разложилась». Между тем, общинная жизнь в китайской деревне была богатой и в XIX в. [Тяпкина, 1984], и выбрасывать ее из тематики аграрной истории Китая просто, если можно так выразиться, бесхозяйственно.

Я против упоминания всуе *азиатского способа производства*, потому что часто за этой фигурой речи ничего не стоит. Но если освободиться от легендарного *способа производства*, то изучать как раз общинную жизнь в древних и средневековых обществах очень даже нужно.

Достойно по крайней мере удивления то, что общину в разных странах никто не изучает. Община в западноевропейских средневековых странах фигурирует, иногда на большом материале (как в работах И. С. Филиппова [Филиппов, 2000]), но не как институт феодального общества, а как некое дополнение к нему. Я слабо знаю этот материал, но подозреваю, что он может значительно обогатить наши представления о Средних веках. Интерес к общинной проблематике в Германии угас, поскольку там разделились с «общинной теорией».

В Индии этим вопросом занимались местные марксисты и первоначально обходились без

Экслибрис Л. Б. Алаева
Ex libris of Professor Leonid B. Alaev

общины в исследованиях по Моголам, да и по другим периодам, поскольку она практически не упоминается в источниках. Сейчас они общину все же разглядели, но серьезного внимания она не привлекла. Все по той же причине: что изучать пережиток, который все равно исчезает?

Но просто скандал, позор нашим русистам, не изучающим русскую общину. Казалось бы, она занимает заметное место в отечественных историко-социальных и политологических рассуждениях. Ну, расскажите же нам, что это было такое, как она была устроена, в каких отношениях находилась с чиновничьим аппаратом и с помещиками! Ну, покритикуйте ученых так называемой «*государственной школы*». Покажите, в чем они ошибались.

В XIX и начале XX в. об общине писали все, кому не лень. О чем писали? О том, как она полезна или вредна для земледелия; как она соответствует *общинному духу*, свойственному русскому народу и т. п. Но ничего конкретного. Например, о функциях старосты, «*выборного*» (была такая должность), *бурмистра*, уездных властей. Один Владимир Ильич четко сформулировал, что община на Руси была «тягловой»,

«фискальной», «клеткой», в которую заперто крестьянство.

В СССР вся полемика по русской общине была забыта. Авторы, затрагивавшие вопрос об общине, тщательно замалчивали тот факт, что периодические переделы земли по «душам» начали возникать лишь с XVI в.³

Почему же они ослепляли и ослепляют себя? Потому что то, что они знают, противоречит теории. Есть несколько исследований о крупных поместьях, но в них нет материала о деятельности мира.

Что же мы имеем?

Концепцию первобытной общины, основанную на фантазиях. Что будто бы сначала возникло общее общинное хозяйство. Потом оно распалось на индивидуальные, но при сохранении общей собственности и при уравнительных земельных переделах. Затем участки закрепляются в постоянные владения при сохранении общей собственности на другие угодья. Ну а далее начинается имущественное, а там, глядишь, и социальное расслоение — и возникает государство.

Эти стадии разложения общины ни археологическим, ни этнологическим материалом не

3 Сравнительно недавно вышедшая монография [Аракчеев, 2014], возможно, знаменует начало серьезных исследований по этим вопросам.

подтверждаются. (Опираюсь на свидетельства Ю. И. Семенова, эрудиция которого не может быть поставлена под сомнение.)

Имеем мы также и реальную историю сельских общин в обществах, которые у нас принято называть феодальными или традиционными. Доказано, что эти общины — позднего происхождения, но именно их используют для формирования представления об общине вообще — как всемирного и вневременного института.

В итоге получается, что концепция изначальной родовой, а потом соседской общины, постепенно разлагающейся, есть вариант художественного произведения, своего рода «роман, вставленный в историю» (слова Фюстель де Куланжа, взятые мною как часть названия собственной книги). Поэтому меня очень раздражает, когда коллеги, занимаясь иными проблемами, исходят из презумпции, что стадии эволюции им известны, и все общины идут в затылок по одной дорожке.

Что касается политогенеза, возникновения государства, то я этой проблемой не занимался. Правда, познакомился с дискуссией о вожестве и раннем государстве и понял, что для диспутантов важно расставить все общества по ступеням единой лестницы, а конкретная история народов, взятых для примеров, их не волнует. А я не теоретик, а историк. Я вполне убежден, что человечество движется куда-то вперед, но как, — это пока неизвестно. Т. е. дорога есть, но кто по ней идет неясно.

Одна из догм, воспринятых нами из марксизма, — внутренняя убежденность, что все племена (этноты) движутся, куда-то эволюционируют — и все в сторону прогресса. **Я уверен, что множество этносов, если и идут, то вбок.** Находясь на одной ступеньке прогрессивной эволюции, этнос не обязан стремиться переходить на следующую (по нашей номенклатуре) ступеньку.

Большинство историков не только в нашей стране, но и за рубежом, считают, что они **знают**, как эволюционировала, т. е. разлагалась, сельская община. Отсюда их лихие заключения о ее судьбе. Они утверждают, что *«реконструируют»*

более раннюю общину по поздним материалам. Этот прием совершенно нетерпим, потому что всем ясно, что *реконструировать* можно лишь то, что существует в виде какого-то чертежа, схемы. В этих случаях схема правда присутствует, но только в голове *«реставратора»*, привнесена в научное исследование из **представлений** о том, как оно должно быть.

Схема разложения общины, используемая во всех отечественных работах по всемирной истории, опирается на «реконструкцию», исполненную в начале XIX в. Г. Л. Маурером. При этом некоторые современные историки чувствуют, что в этой «реконструкции» есть много «пустых клеточек», не имеющих фактологического обоснования. Предлагаются способы заполнения этих пустот, например, объединение фактических (исторических) знаний и теоретических мостиков между ними (см. [Вин, 2020]). Нам не привыкать к «всесильному» учению, которое *«верно»*, даже если противоречит фактам:

Придумал я (не без помощи Пушкина), такой стишок:

**Идея свыше нам дана,
Замена знанию она.**

— АС: ЛБ, скажите, а в чем вы видите свой основной вклад в историческую науку?

— ЛА: Большая часть того, что я считаю своим вкладом в историю или антропологию, в науку не вошла. Все это пылится на полках или в других непривлекательных местах. Мало кто читает мои книги и статьи, даже мои друзья не очень-то увлекаются чтением и в своих работах продолжают ссылаться на мои старые работы или обходят их стороной, как будто их вовсе нет.

Антропологи прыгают с одного общества на другое, с материка на материк, в другое место, выясняют между ними различия в устройстве и говорят: «Видите: человечество продвинулось». Во время таких операций и прыжков иногда одни показатели развития не согласуются с другими. Такие случаи рассматриваются как курьезы, случайности.

У нас принято называть общиной античный город, полис. Но это лишь пример путаницы в

Л. Б. Алаев дает Д. С. Моевой интервью для сайта Института востоковедения РАН

Фото © Д. Дубровской
Professor Leonid B. Alaev being interviewed by Daria S. Moeva for the internet portal of the Institute of Oriental Studies, RAS

Photo © Dinara Dubrovskaya

терминологии. Я изучал и говорю сейчас о совершенно ином институте — о сельской соседской общине.

Сельская община в Индии оказалась в 50–60-х гг. в центре работы чуть ли не всего Отдела истории ИВ АН. А потом эту тему забросили, а вместе с ней и общину: зачем она там нужна вообще? Ну община, ну восточная, ну Маркс о ней все написал, чего больше?

Итак, что я предложил науке, и что не сумел предложить?

1. Сельскую общину, существовавшую во многих странах на протяжении всей истории, надо изучать на основе имеющихся исторических источников, а не исходя из заранее известной **теории** эволюции общины.

«История первобытного общества», как она изучается и преподается, — это не история, а несколько **гипотез** о том, как она **могла бы** развиваться, основанных на изучении этнографических (т. е. современных исследователю) материалов, которые по своей природе не могут рассказать о **движении** в прошлом. Культур-антропологи развивают наше **воображение**, но историкам они не помощники. Да, я ставлю под сомнение всю принятую в антропологии схему социальной эволюции, а следовательно, и вековую работу, которую делали и делают этнографы-этнологи по всему миру по сей день.

2. Сельская община, известная нам по историческим источникам, — это институт так называемого классового общества, возникающий в соответствии с потребностями этого общества: потребностями земледельцев, землевладельцев, властей, в какой-то мере в соответствии с интересами и всех других слоев населения.

3. Исторически достоверные случаи самопроизвольного (а не под влиянием соседних народов) образования государств и цивилизаций (Древняя Месопотамия и Древний Египет) показывают, что это развитие начиналось не с общин и их подчинения, а с возникновения государств с последующим образованием общин.

4. В течение истории классового общества община не разлагается, а **живет** в соответствии с нуждами этого общества

5. Община сплачивается — или возникает там, где ее не было, — чаще всего по двум причинам: а) наступающего «земельного утеснения» и/или б) при увеличении гнета со стороны землевладельцев и/или властей. Соответственно, сельские соседские общины бывают двух типов: либо а) защищающие **права** своих членов, либо б) обеспечивающие выполнение их **обязанностей**.

6. Имущественное неравенство членов общины не разлагает ее, а лишь составляет особенность данной формы общины, даже сплачивает ее, потому что позволяет выживать всем.

Л. Б. Алаев, О. В. Маляров и А. М. Дубянский едут на востоковедческую конференцию в Санкт-Петербург

Фото © из личного архива Л. Б. Алаева

Leonid B. Alaeв, Oleg V. Malyarov, and Alexander M. Dubyansky are heading for an Orientalist conference in St. Petersburg. Photo © from the personal archive of Leonid B. Alaeв

7. Взаимопомощь, воспринимаемая современным наблюдателем либо как проявление *общинного духа*, унаследованного от родового строя, либо как эксплуатация бедняков богачами, тоже не разрушает, а сплачивает общину, потому что имеет целью выживание коллектива в условиях жестокой эксплуатации со стороны землевладельцев и государства.

8. Торговля, деньги, связь с рынком также не вызывают разложения общины, становясь дополнительными чертами общинной жизни.

9. «Общинная теория» Маурера, поддержанная Марксом и Энгельсом, не подтвердилась в ходе дальнейших исследований. Она основана на ложном истолковании источников. Германские племена начинали свою аграрную историю не с общины!

10. Представления о древнем происхождении **русской общины** с уравнительными переделами земли основаны на домыслах, и это хорошо известно специалистам, однако в обиходе, в идеологических и политических кругах сохраняются мифологические представления об извечности русской общины и об особой «общинности», свойственной российскому менталитету. В период поместной системы относительная автономия общин существовала только в рамках, позволенных помещиком. После отмены крепостного права об-

щина сохранила определенные права по регулированию землепользования и семейно-брачным отношениям — но только в пределах, определяемых уездными начальниками. В советский период вся жизнь сельскохозяйственных общин строго регламентировалась; сельсоветы, а затем колхозы все более вытесняли общины, и в 1930–1932 гг. общины были окончательно распущены.

Используемые сейчас в нашей стране неграмотные ссылки на исконность русского общинного духа и извечность сельскохозяйственной общины объясняются враждебностью к прогрессу и ностальгией по крепостничеству и самодержавию.

Современные попытки ряда режимов в африканских странах построить *социализм* на базе будто бы первобытной «коммунистической» общины фактически направлены на воссоздание государственного феодализма и обречены на провал.

— ДД: *А что представляет предмет вашей особой гордости, ЛБ?*

— ЛА: Больше всего я горжусь (употреблю это нескромное слово, поскольку речь идет не о заслугах, а о внутреннем чувстве) тем, что разоблачил в том, что представляет собой сельская община в Индии. Еще с середины XIX века в европейской мысли утвердилось мнение, что индийские деревни представляют собой соседские или соседско-родовые общины самого

Л. Б. Алаев и А. М. Дубянский. Фото © из личного архива Л. Б. Алаева
Leonid B. Alaev and Alexander M. Dubyanskiy. Photo © from the personal archive of Leonid B. Alaev

примитивного типа. Возникла эта идея, потому что обнаружилось, что в индийских деревнях наряду с земледельцами живут ремесленники ряда специальностей, которые обеспечивают общинников своими изделиями или своими услугами, получая за них не сдельную оплату, а традиционную долю урожая обслуживаемых ими земледельцев. Понималось это так, что община *содержит* ремесленников и слуг.

При таком взгляде получалось, что в индийской общине ремесло *не полностью отделилось* от земледелия, что Индия находится на наиболее первобытной стадии хозяйственной эволюции.

Я показал, что индийская община не может считаться моделью *восточной общины*, потому что в других странах такой общины не было;

— не может служить примером наиболее примитивной формы, потому что основана на кастовой системе, и уже потому не могла возникнуть до того, как произошло детальное разделение труда;

— к ней неприменимо наименование *деревенская община*, поскольку сельские общности могли охватывать сотни деревень и лишь часть населения на данной территории;

— к ней неприменимо наименование *маленькая республика* еще и потому что управление деревней (или более широкой территорией), или общинное *самоуправление* существует лишь для одной из каст (*доминирующей* — по терминологии современных социологов), остальные ей подчиняются и ее обслуживают;

— ее нельзя назвать *крестьянской общиной*, потому что коллектив землевладельцев очень часто физически не трудится, а использует социально приниженных («неприкасаемых» и прочих) работников и арендаторов;

— общинное землевладение, если оно реально наблюдается, существует только в виде сдачи общинниками из доминирующей касты земли в аренду различным арендаторам и затем раздачи полученной ренты дольщикам;

— земельные переделы встречаются в некоторых районах **только** в XVIII в., что связано с повышением налогов сверх всякой разумности и с фактической потерей общинниками-землевладельцами своих наследственных прав;

— многокастовость индийской общины, сложение в ней так называемой *системы джаджмани*, т. е. обычая обмена ценностями и услугами,

объясняется не экономическими факторами, а необходимостью взаимного ритуального обслуживания. Жители деревни в лице отдельных индивидуумов и семей содержат ряд ремесленников (кузнеца, плотника, гончара, кожевников), а также членов каст прачек и цирюльников не потому, что не могут без них обходиться в бытовом смысле, а потому, что их изделия или их труд считаются загрязняющими с религиозной точки зрения. А тех, продукция которых не загрязняет их ритуально (ткача, маслобойщика, кондитера и ряда других), они не держат в деревне, а покупают их товары на рынке. Таким образом, вопреки мнениям некоторых ранних общинофилов, индийская община не замкнутый мирок и жить без рынка, без храмов и мест паломничества она не может;

— отдельно надо отметить, что ткачество и прядение, как правило, не представлено в индийских общинах ни в виде побочного занятия женщин из «чистых» каст, ни в виде содержания ткача (ткачей) общиной по системе *джаджмани*. Расхожий постулат, что британский импорт тканей и пряжи в XIX в. разорил индийских ткачей и тем самым разрушил сельскую общину, поскольку подорвал связь земледелия и ремесла, является результатом примитивной фактической ошибки. Разорились те ткачи, которые работали на рынок. Это была настоящая трагедия для них. Но отношения в общине все это не затронуло.

Повторю еще раз для закрепления: я раскрыл подноготную всех мифов, окутывавших индийскую общину. Другое дело — кому нужны мои знания?

Еще несколько слов о кастовой системе — наиболее яркой отличительной черте средневекового индийского социального строя. Традиционная индийская версия утверждает, что изначально боги создали деление всех индусов на четыре *варны* — *брахманов*, *кшатриев*, *вайшьев* и *шудр*. Касты (*джати*, букв. «рождение», «происхождение») возникли позже в результате межварновых браков и появления «смешанных» каст. **Но эта концепция абсолютно ненаучна, не имеет подтверждения в источниках,**

и такой путь образования кастовой системы практически невозможен.

Кастовая система возникла, конечно, в процессе специализации отдельных групп на том или ином виде занятий, и к этому процессу вполне относится выражение «разделение труда». Но это *разделение* нужно понимать весьма широко и приблизительно: оно не обязательно выглядит как разделение некоего прежде существовавшего единства. *Разделение труда* в смысле появления специальностей происходило во всех цивилизациях и культурах, но только в Индии оно вылилось в кастовую систему. Это требует какого-то дополнительного объяснения. В Индии этот процесс оформлялся в рамках концепции осквернения, ритуальной чистоты / нечистоты. В условиях Индии в касты превращались любуе — этнические, профессиональные, конфессиональные — возникавшие социальные группы. Они складываются **не в процессе раздробления** первобытных *варн*, а в противоположном процессе **осознания** тех или иных социальных групп как принадлежащих той или иной *варне*.

Можно предложить иную формулировку, возможно, разъясняющую что за процесс имеется в виду. Это не «разделение труда», а **разделение ответственности** за греховность. Загрязняющие занятия, поведение, предметы локализуются и сосредоточиваются в тех или иных социальных группах, обеспечивая относительную *чистоту* всем остальным.

Понимание этого процесса я считаю самым главным своим достижением (отбросим скромность), потому что в этом вопросе я выступаю против почти всех коллег-индологов, более того, против устоявшейся традиции в понимании кастовой системы как в самой Индии (что не удивительно, поскольку раздробление *варн* и есть сакрализованный миф), но и по всему миру, принявшему этот миф за чистую монету.

Позвольте мне в качестве вывода снова перейти к монологу. Хочу сказать: в том, что касается деловых отношений и обмена научными идеями советской индологии повезло, СССР и Россия имели стабильные, ровные, друже-

ственные отношения с Индией. На практике это означало, что можно было как одобрять все индийское, включая даже религию, которая была в загоне при советской власти, так и умеренно критиковать. Тяжелее было китаистам, потому что китайско-советские отношения периодически испытывали кризисы. То мы с китайцами «братья навек», и нельзя заикнуться о каких-либо темных пятнах в политике или в китайской традиционной культуре, то, наоборот, нельзя написать что-нибудь положительное. Нашим научным контактам с индийскими коллегами мешает все более распространяющийся в Индии национализм, переходящий порой в шовинизм. Их интересуют только те сюжеты, которые показывают величие всего индийского.

Конечно, можно признать, что советские и постсоветские ученые слишком много внимания уделяют классовым и иным противоречиям, восстанием и войнам, но склонность индийских историков смазывать все прежние противоречия толстым слоем еля тоже снижает научную ценность их работ. Очень серьезная преграда развитию исторической науки в Индии — **переплетение объективных данных и мифов**. Индийская мифология необычайно богата и при этом имеет статус священных трактатов. Если кто-то утверждает, что эта литература не отражает реальности и создана позднее, чем ей приписывается, он сразу же попадает в число хулителей великой индусской культуры. Процветает религиозно-общинный подход к истории: историки-мусульмане прославляют правителей-мусульман, индусские авторы прославляют правителей-индусов. Очень слабо развита в Индии история общественных институтов — государства, каст и корпораций, той же сельской общины.

Занимаясь изучением общины в Средние века, я почти не имею коллег в Индии, работающих над этими же вопросам. Основные мои единомышленники — это мой ушедший

друг Бёртон Стайн (Великобритания), Кеннет Холл (США), Нобору Карашима и его ученики (Япония), Герман Кульке (Германия), Синдия Талбот (Канада).

Историков в Индии очень много, «на каждом шагу», но почти все они занимаются политической историей, хронологией, генеалогией и т. п. Среди них тоже есть прекрасные специалисты по истории институтов, экономики и социальных отношений, но их буквально небольшая кучка. Им трудно работать по указанной выше причине: история в Индии нынче — поле боя конфессий. Замечу кстати: в Индии практически отсутствует история стран за пределами родной страны. Темы из истории других стран не предлагаются студентам, магистрантам, диссертантам и т. п.

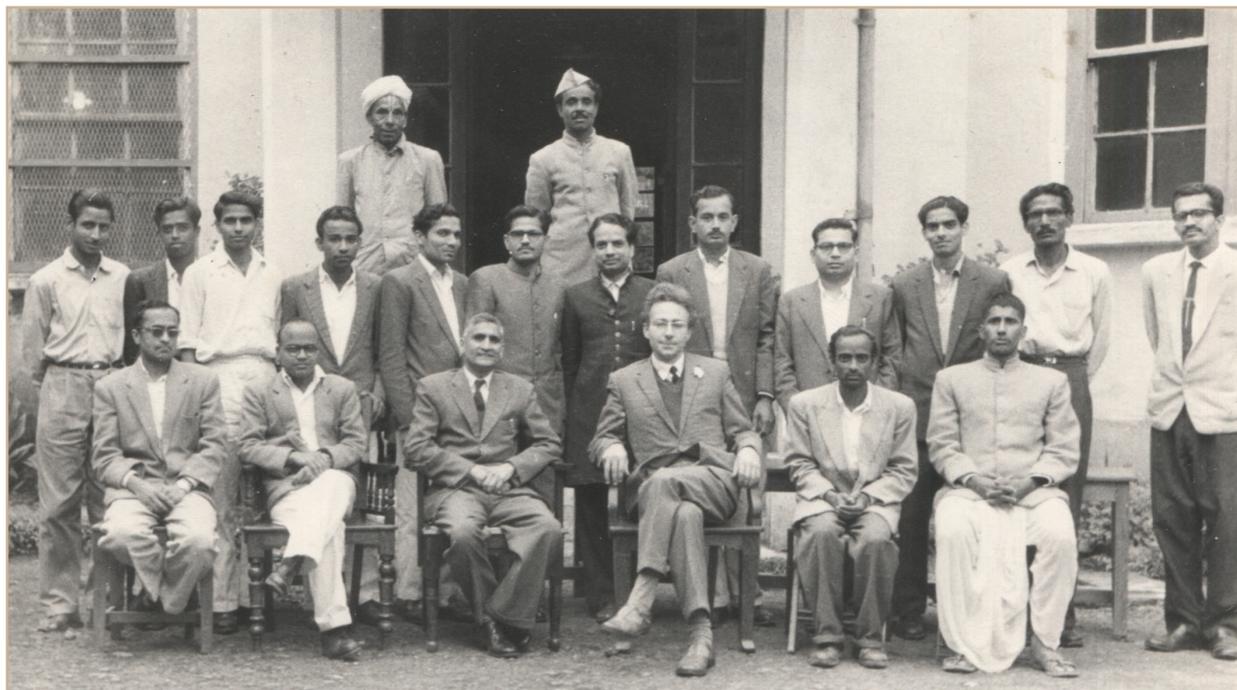
— **АС:** *А кого из индийских коллег вы все-таки могли бы выделить?*

— **ЛА:** Некоторых из моих индийских коллег необходимо упомянуть. Во-первых, я очень любил Рам Шаран Шарму⁴. Его концепция индийского феодализма, как бы к ней ни относиться, плотно основана на фактах. Он разглядел экономический упадок в Индии в период после Харши и до поздних Гуптов. Увидел изменение в социальном статусе шудр в Средние века по сравнению с древностью. Индийская научная тусовка не приняла его взглядов. Разве может быть в Индии упадок? Было только постоянное процветание!

Книга Ирфана Хабиба по аграрным отношениям в Могольской империи — явление, из ряда вон выходящее. Ни у кого не видел такого тщания в работе с источниками.

Тапан Райчаудхури и Ирфан пригласили меня участвовать в коллективной монографии «The Cambridge Economic History of India», в ней две мои главы по Южной Индии, и эта публикация сделала мне имя в Индии. Меня стали приглашать выступать на конференциях. В программе меня указывали как «Леонид Алаев из Москвы».

4 Рам Шаран Шарма (1919–2011) — индийский историк, специализирующийся на истории древней и раннесредневековой Индии. Преподавал в Университете Патны и Делийском университете, был приглашенным преподавателем в Университете Торонто.

Л. Б. Алаев среди сотрудников Индийского эпиграфического центра Утакаманд (Удагамунд, или Ути). 1963 г.

Фото © из личного архива Л. Б. Алаева

Professor Alaev among the staff of the Indian Epigraphic Center Utakamand (Udagamund, or Ooty), 1963

Photo © from the personal archive of Leonid B. Alaev

Один из авторов Кембриджской экономической истории Индии»; вроде визитной карточки.

— ДД: *ЛБ, а вам вообще симпатична Индия?*

— ЛА: Она мне внушает большие опасения. Главная проблема Индии — раскол. Мусульмане и индусы, противодействие между которыми все нагнетается и нагнетается. Они не умеют (и я их не обвиняю) руководить, управлять, не обижая других, все время сталкиваются друг с другом, обижаются и возмущаются: как же так? Да кто вы такие?! И это неизбежно, потому что связано с религией.

— ДД: *А как вы себя ощущаете в Индии, комфортно ли вам в ней? Создалось ли ощущение, что вы там более-менее свой?*

— ЛА: Насчет «свой», конечно, тяжело. Пожалуй, я всегда оставался там чужим. Я не говорю о том, как они относятся к иностранцам, они и не могут относиться иначе. У меня было и остается убеждение, что мы друг друга не

поймем. За этим, конечно, стоит вопрос «как же быть, если Индия и Китай передерутся?». Тогда вокруг никого не останется...

— АС: *ЛБ, расскажите, пожалуйста, о вас и Индии. Когда вы впервые туда поехали, о самом путешествии. Были ли вы на стажировке?*

— ЛА: Во время путешествий по Индии я познакомился со страной и ее народом довольно хорошо, перенял некоторые особенности их быта и нравов, попытался полюбить индийскую кухню. Научился ее готовить, пытался пропагандировать в своей семье. Мои дети до сих пор помнят вкус *карри*. Но все же не могу сказать, что полюбил индийский быт.

После того как я провел в Индии целый 1968 год, разъезжая по большинству регионов страны, мне показалось, что я достаточно глубоко проник в эту неповторимую цивилизацию. Сел и буквально за два месяца написал журнального жанра книжку «**Такой я видел Индию**».

Она имела успех. Я стал получать письма читателей со всех концов страны. Соглашались с моими обобщениями, удивлялись, насколько схожи наши наблюдения, благодарили за рассказ о незамеченных ими во время их пребывания в Индии штрихах индийского образа жизни. Увидев, как расходится моя книжка, директор Главной редакции восточной литературы Олег Константинович Дрейер выписал мне двойной гонорар. Это было крайне кстати, потому что я в это время получил квартиру, а кроме того, строил дом на шести сотках, полученных отцом от Госснаба.

Казалось, открывались перспективы и научной, и журналистской карьеры. Кстати, Киру Булычеву, который работал в Институте востоковедения под своим настоящим именем Игорь Можейко, книжка моя понравилась, даже чрезмерно. Он стал писать на нее рецензию, но по каким-то причинам не закончил ее и отдал мне черновики. Но научная работа, которая дает только моральное, но не материальное, вознаграждение, оказалась для меня привлекательнее. А Индия стала так быстро меняться, что мне в моих заметках, которыми я иногда баловался, не удавалось за ней угнаться.

В 2020 г. я, уступая просьбам издательства, с которым в последние годы сотрудничаю, переиздал ту книжку под несколько извиняющимся названием [Алаев, 2020]. Мне она самому не нравится. Пусть существует как памятник эпохи. Написал еще я книгу [Алаев, 2021], в которую вложил все, что счел интересным для современника, **реально интересующегося** этой экзотической страной. Надеюсь, что сумел развеять ряд мифов, ее окутывающих. Эту книгу я рекомендую читателям.

— **ДД:** *ЛБ, скажите, пожалуйста, есть ли у вас ощущение, что случились некие неудачи? Может быть, вы хотели что-то исследовать, но не получилось. Вы осуществили все свои планы?*

— **ЛА:** У меня к этому двойственное отношение. С одной стороны, я высказал идеи, которые могут перевернуть наше понимание общины, общинного строя, понимание первобытности вообще. С другой стороны, изучая

общину во многих странах, я, мне кажется, понимаю функциональность этого института, смысл того, что мы называем *общинностью*. Иногда возникает ощущение, что все, что мог, я уже совершил. Но я не надеюсь, что мои идеи примут. Для этого надо перевернуть весь корпус литературы, накопившийся к сегодняшнему дню. (Маркс входит в этот корпус как небольшой фрагмент). Это гигантская работа, необходимость которой не осознается, потому что умозрительная схема эволюции «от общего к частному» проста и понятна.

Приведу один пример давления догмы на фактологию и даже здравый смысл. Я имею в виду вопрос об общинной собственности на землю и земельных переделах. С этого вопроса начался мой дрейф в сторону от *общинной теории*, и он до сих пор продолжается, потому что никто не хочет задуматься о реалиях земледелия.

По теории первоначально господствует общее общинное хозяйство, затем земля разделяется на наделы, которые время от времени уравниваются — по размеру или качеству — чтобы сохранить первобытное равенство. И никого не смущает, что:

1. этнография (или социальная антропология) пока не зафиксировала **ни одного** примера земельных переделов в доклассовых обществах;

2. не приведено ни одного аргумента, почему люди вздумали бы заняться тяжелой работой по размежеванию, когда вокруг много пустующей земли.

Отвечу все же на возникающий у читателя вопрос: так почему же у ряда народов возникает и затем долгое время практикуется передел земли в общинах? На этот вопрос как раз этнология отвечает достаточно уверенно:

— при наступлении *земельного утеснения* (как тогда говорили),

— или при непомерном увеличении рентноналоговой эксплуатации.

На этот вопрос могли бы ответить и историки, если бы занимались реалиями соответствующих периодов, не оставляли бы вопрос о структуре

общин, не ограничивались бы констатацией их наличия как «пережитка» первобытности.

Сельские общины в классовом обществе обретают разные формы в зависимости от функций, которые выполняют. Во-первых, надо различать общины,

— **возникавшие** по инициативе **снизу**, через осознание необходимости сплочения и упорядоченности быта, и

— **организуемые государственными властями** или крупными землевладельцами (при желании последних можно назвать *феодалами*) для упорядочения фискальных или рентных отношений.

А также:

— общины крестьянские, **земледельческие** в собственном смысле слова, угнетаемые частными земельными собственниками и/или государством;

— и общины **землевладельческие**, образованные разросшейся семьей, получившей землю в результате дарения или захвата.

Главное для ориентировки в реальности — не выстраивать все сельские соседские общины в единую лестницу, не принимать существование общины за само собой разумеющийся факт, а искать **причину** ее существования и функционирования в данном обществе.

— **ДД:** Леонид Борисович, к сожалению, нам пора расставаться и в заключение хочется спросить, есть ли у вас индологическое кредо или некий девиз? Может, есть мысль, которая помогает жить? Всех нас, конечно, ведет по жизни кредо «делай, что должен, пусть будет, что будет»...

— **ЛА:** С этим делом плохо. Но есть такое полезное слово: «пройдет».

— **ДД:** На кольце Соломона было написано «И это пройдет» ... А есть ли у вас пожелания молодым индологам? И вообще — есть ли у нас молодые индологи?

— **ЛА:** Молодых индологов мало. Для нашей работы — мало. Но это очень большой вопрос: сколько индологов нужно России, если она хочет быть культурной страной? Чтобы истина рождалась в спорах?

БОНУС: РЕЦЕНЗИИ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КНИГ Л. Б. АЛАЕВА

Белокреницкий В. В. Рец.: *Историография истории Индии*. М.: ИВ РАН, 2013. 470 с. *Восток (Oriens)*. 2014. № 4. С. 183–188.

Гордон А. В. (реф.) Алаев Л. Б. *Историография истории Индии*. М.: ИВ РАН, 2013. 472 с. *Востоковедение и африканистика*. РФ Сер. 9. М.: 2014. с. 163–181.

Драч Г. В., Кириллов А. А. Проблематика истории Востока и современность: размышления о книге Л. Б. Алаева. *Вестник ИВ РАН*. 2020. № 3. С. 29–39.

Захаров А. О. «Основное противоречие нашей эпохи» или противоречия нашего мышления? (По поводу статьи Л. Б. Алаева). *Восток (Oriens)*. 2003. № 5. С. 66–72.

Захаров А. О. Рец.: *Историография истории Индии*. М.: ИВ РАН, 2013. 470 с. *Восток (Oriens)*. 2014. № 4. С. 188–194.

Захаров А. О. Рец.: Л. Б. Алаев. *Средневековая Индия. История: политическая, социальная, экономическая, культурная*. 2-е изд., исправ. и доп. М.: URSS, ЛЕНАНД, 2018. 280 с. *Восток*. 2018. № 3. С. 199–202.

Захаров А. О. Рец.: Л. Б. Алаев. *Южная Индия. Общинно-политический строй VI–XIII веков*. М.: ИВ РАН, 2011. 712 с. *Восток (Oriens)*. 2012. № 5. С. 176–178.

Медведев Е. М., Кудрявцев М. К. Рец.: Л. Б. Алаев. *Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции*. М.: ГРВЛ, 1981. 240 с. *Народы Азии и Африки*, 1983. № 1. С. 192–203 (Перепечатано в кн.: Л. Б. Алаев. *Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах*. М.: Восточная литература, 2000, с. 346–358).

Райков А. В. Л. Б. Алаев: *Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах*. *Восток (Oriens)*. 2001. № 6. С. 178–181.

Рашковский Е. Б. Социальный миф и развитие (Размышления над книгой Л. Б. Алаева о сельской общине). *МЭиМО*. 2018. Т. 68. № 4. С. 103–108.

Семенов Ю. И. О структуре стратифицированной сельской общины и ее роли в истории докапиталистических обществ (в связи с книгой Л. Б. Алаева «Сельская община в Северной Индии»). М.: Наука, 1981. 240 с.). *Советская этнография*. 1982. № 6. с. 143–149. (Перепечатано в кн.:

Л. Б. Алаев. *Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах.* М.: Восточная литература, 2000. С. 359–368).

Тюрин В. А. Рец.: Л. Б. Алаев, А. А. Вигасин, А. Л. Сафронова. *История Индии. Учебник для вузов.* М.: Дрофа, 2010. 544 с., ил., карт. *Восток (Oriens)*. 2012. № 1. С. 184–190.

Уваров П. Ю., Майзлиш А. А. Рец.: Алаев Л. Б. Южная Индия. Общинно-политический строй VI–XIII веков. М.: ИВ РАН, 2011. — 712 с. *Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени.* Вып. 73(3–4). М.: Наука, 2012. С. 413–420.

Чешков М. А., Петров А. М., Бондаренко Д. М., Гордон А. В., Рашковский Е. Б., Иванов С. М. Обсуждение книги: Л. Б. Алаев. *История Востока. Первобытная эпоха. Древность. Средние века. Новое время.* Учебное пособие. М.: РОСМЭН. 2007. *Восток (Orient)*. 2009. № 6. С. 171–179.

Medvedev E. M., Kudryavtsev M. K. Review of: L. B. Alayev. *The Village Community in Northern India and its Main Stages of Evolution.* М., 1981. *Oriental Studies in the USSR. Annual 1987.* Moscow: Nauka, 1988. Pp. 324–334.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алаев Л. Б. *Индийская цивилизация: Опыт понимания.* М.: Ленанд, 2021. — 432 с. [Alaev L. B. *Indian Civilization: An Attempt in Understanding.* Moscow: Lenand, 2021. — 432 p. (in Russian)].

Алаев Л. Б. Сельские земледельческие соседские общины: логика vs история. *Восток (Oriens)*. 2020(a). № 4. С. 113–125 [Alaev L. B. *Rural Agricultural Neighborhood Communities: Logic vs History.* *Vostok (Oriens)*. 2020(a). No. 4. Pp. 113–125 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Такой я видел Индию: 50 лет назад, или Вечная Индия.* Изд. 2-е, исправ. и доп. М.: Ленанд, 2020(b). — 328 с. [Alaev L. B. *The Way I Saw India: 50 Years Ago, or Eternal India.* 2nd Edition. Moscow: Lenand, 2020(b). — 328 p. (in Russian)].

Александров В. А. *Сельская община в России (XVII – начало XIX в.).* М.: АН СССР, 1976. — 323 с. [Aleksandrov V. A. *Rural Community in Russia (17th – the Beginning of 19th Centuries).* Moscow: RAS, 1976. — 323 p. (in Russian)].

Аракчеев В. А. *Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века.* М.: Древлехранилище, 2014. — 512 с. [Arakcheev V. A. *Power and Land. Government Policy towards Taxable Estates in Russia in the Second Half of the 16th – Early 17th Centuries.* Moscow: Drevlehranilische, 2014. — 512 p. (in Russian)].

Вин Ю. Я. *Концепт средневековой сельской общины: социокультурный и историко-психологические аспекты.* М.-Волгоград: Изд-во Волгоградского Гос. ун-та, 2020. — 625 с. [Vin Yu. Ya. *The Concept of Medieval Rural Community: Socio-Cultural and Historical-Psychological Aspects.* Moscow-Volgograd: Volgograd State University Publ., 2020. — 625 p. (in Russian)].

Данилова Л. В. *Сельская община в России.* М.: Наука, 1996. — 318 с. [Danilova L. V. *Rural Community in Russia.* Moscow: Nauka, 1996. — 318 p. (in Russian)].

Дубровская Д. В., Столяров А. А. К 90-летию Леонида Борисовича Алаева: о марксизме, общине и индологии. Часть II. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2022. № 3. С. 36–49 [Dubrovskaya D. V., Stolyarov A. A. To the 90th Anniversary of Leonid B. Alayev: On Marxism, Community and Indology. Part II. *Oriental Courier.* 2022. No. 3. Pp. 36–49 (in Russian)].

Дюмон Л. *Homo hierarchicus. Опыт описания системы каст.* СПб: Евразия, 2001. — 480 с. [Dumont L. *Homo hierarchicus. Attempt at Describing the System of Castes.* Saint Petersburg: Eurasia, 2001. — 480 p. (in Russian)].

Тяпкина Н. И. *Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая. Вторая половина XIX – начало XX веков.* М.: Наука, 1984. — 224 с. [Tyapkina N. I. *Village and Peasantry in the Socio-Political System of China. Second Half of the 19th – Early 20th Centuries.* Moscow: Nauka, 1984. — 224 p. (in Russian)].

Филиппов И. С. *Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма.* М.: Скрипторий, 2000. — 800 с. [Filippov I. S. *Mediterranean France in the Early Middle Ages. The Problem of Feudalism Formation.* Moscow: Scriptor, 2000. — 800 p. (in Russian)].

